

СОДЕРЖАНИЕ

Почему мы еще надеемся?.....	9
Мусорщик в рассветных сумерках.....	31
Далекий разговор.....	51
Вина Пандоры.....	73
Жулики-трюкачи.....	107
Долгое дыхание.....	143
Чувство возможности.....	177
<i>Библиография.....</i>	<i>203</i>

It's like fight, fight
keep going, keep going.
Hope and dreams
are like no, maybe not*.

Бристоль, 2023 г.
Написано на зеркале
красной помадой

Если имеешь свое «почему» жизни, то по-
ладишь почти со всяким «как». Человек
не стремится к счастью;
к нему стремится только англичанин.

Фридрих Ницше.
Сумерки идолов.
Изречения и стрелы, 12**

* «Борись, борись, продолжай, продолжай. Надежды и мечты — нет, наверное, нет». — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

** Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М.: Культурная революция, 2009. — Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер.

Почему мы еще надеемся?

Прошел целый день, и вот я наконец могу сесть и написать тебе письмо. Твой вопрос не выходил у меня из головы. Во всей этой суматохе я задолжал тебе ответ. Сейчас я снова в дороге, жизнь сводится к содержимому сумки, нескольким адресам и номерам в телефоне: отели, встречи, контакты. И вот мысли снова зашевелились, заняли пространство, из которого их обычно гонят.

Итак, возвращаясь к твоему вопросу: почему мы еще надеемся? Можно ли вообще на что-то надеяться в такие времена?

Как же мне ответить? Ты страшишься того, чего и надо страшиться: перемен, которые выходят за рамки человеческих представлений. Мы живем в эпоху, когда старый порядок разрушен, а новый еще не возник и, возможно, возникнет еще не скоро. Каждое поколение считает себя уникальным, полагая, что именно его ждет конец света и апокалипсис, те или иные пророки всегда предвидели нечто подобное — но на этот раз все правда.

Так неужели разговоры людей о надежде — всего-навсего назидательная болтовня? Винтик великого иллюзионного аппарата, утешение для болванов? Ну что за идиот побежит за какой-то надеждой, за мыслью, что все как-нибудь утрясется и все страшные пророчества можно игнорировать, ведь спасительная технология уже на пороге? Разве не глупо полагать, что нам хоть и стоит задумываться, но не стоит отчаиваться, поскольку мы прогрессивные и предприимчивые, всегда находили решение и...

В какой-то момент я сбился со счета, как часто перед моими докладами (о том, какое значение для будущего демократий и либеральных обществ имеют климатический кризис, потеря биоразнообразия и искусственный интеллект) меня просили рассказать уже что-нибудь оптимистичное, хотя бы закончить на обнадеживающей ноте, а не в миноре. Как будто меня пригласили, чтобы я гарантировал всем светлое будущее. Похоже, в общении друг с другом мы чувствуем себя обязанными проявлять оптимизм и, даже сталкиваясь с ужасающими новостями, искать добро в хUDE. Ну расскажи что-нибудь ласковое и любезное. Подари им надежду!

Разговоры о надежде вполне в духе нынешней повестки. У многих вся карьера строится на рассказе о том, что, вообще-то, все становится лучше, человечество хорошее, все показатели идут вверх

и — в зависимости от политических взглядов — солидарность и ответственность, или инновации и дерегулирование, или возрождение нации скоро, очень скоро принесут спасение. Экономический рост, технический прогресс, мировая солидарность и нравственное сознание наконец-то преодолеют кризис.

Это хромающее представление о некоем вечном блаженстве — второй завар христианской идеи, что история движется к цели, к искуплению, к Небесному Иерусалиму. Мы унаследовали эту христианскую идею и теперь называем ее прогрессом. Все беспрестанно становится лучше и лучше.

К этому праву на оптимизм прилагается мнимая претензия на счастье. В наши дни многие люди полагают, что у них есть право на жизнь в благополучии и безопасности. Историческое представление о хорошей жизни сводится к правам потребителя. Эти люди живут с концепцией безопасности и бронежилетом, с гарантией, законом о возврате, кредитным планом, защитой прав потребителей, нормативами, лицензированием и обязательной сертификацией. Любое разочарование может вылиться в жалобу, иск и обвинительный приговор.

Надежда как гарантия, светлое будущее как право потребителя?

Да, это вздор. Словесный мусор, моральная политика умиротворения. Но именно это люди

и хотят слышать. И платят за это хорошие деньги. Психологи и коучи предписывают нам быть оптимистами и думать позитивно, религии предлагают свободное от страхов пространство и избавление от смерти, бизнес-тренеры, консультанты по управлению и разработчики приложений для медитации неплохо зарабатывают на подобных фразах. Люди этого хотят. Существует рынок, а значит, есть и продукты, удовлетворяющие подобный запрос. (Кстати, существует спрос и на предвестников конца света, но этот рынок рухнул бы без огромного оптимистичного нарратива, который могут обрабатывать пессимисты.)

И вот люди объединяются, чтобы ничего не видеть, не беспокоиться, отстаивать собственную позицию и не слушать тех, кто надрывает глотку. И если в итоге приходит хорошая новость, избавление, спасительная идея, глубокое озарение о человеческой природе, новая технология или эволюция, то мы понимаем, что в конце истории все протагонисты (или, по крайней мере, важнейшие протагонисты) справились с испытанием и остались целыми и невредимыми. Некоторые из них сбились с верного пути и висели на волоске, один-два (а если они от нас достаточно далеко, то и миллионы) пали жертвой обстоятельств, но в целом порядок восстановлен, все может идти по-прежнему, Одиссей вернулся домой.

Если тебя устраивает такое объяснение, то дальше мое письмо можешь не читать. Но я знаю, что такое объяснение тебя не устроит, иначе ты бы не завел этот разговор. Я не удивился, когда ты со мной заговорил. После докладов ко мне часто подходят люди твоего возраста и почти всегда задают один и тот же вопрос в различных вариациях, как будто я знаю ответ, а именно: «Есть ли еще посреди всей этой лжи надежда?» Удивился я, лишь когда ты вернулся на следующий день, чтобы задать новые вопросы. Должен признать, мне нечего возразить на твою дружелюбную настойчивость. Ты спросил меня о надежде, и тебя не удовлетворили стандартный ответ и банальные формулировки. Я тогда спешил на следующую встречу, поэтому задолжал тебе достойный ответ.

Меня обрадовала твоя находчивая идея оставить мне адрес электронной почты, и с тех пор меня не отпускали эти вопросы. У меня пока нет для тебя ответа, но я уже собрался в путь, и часть его мы можем пройти вместе, если ты пожелаешь, — пусть и лишь в письменной форме.

Но в сторону риторики. Возможна ли вообще надежда в современном мире? Не будет ли циничным требовать от себя и от других изображать на лице счастливые эмоции и разглагольствовать о надежде на фоне всеобщего краха? Неужели это все, на что мы способны?

Но если ты упорно не желаешь быть частью этого заговора неведения и задаешься вопросом, какими будут следующие десятилетия, то ответ, полученный с помощью лучших научных моделей, станет весьма отрезвляющим. Если ты смотришь на будущее с глубоким беспокойством и тебе страшно, то ты абсолютно прав.

Коротко говоря, мы, человечество, находимся в тройном экзистенциальном кризисе, который дробится на бесчисленное множество более мелких, переплетенных между собой. Три взаимосвязанные ветви этого кризиса — глобальное потепление, потеря биоразнообразия и риски, связанные с цифровизацией и искусственным интеллектом. Каждая из этих ветвей способна нанести серьезный ущерб: уничтожить или по крайней мере сократить большую часть жизни на этой планете. Каждая уже сегодня приобрела огромные масштабы и имеет неисчислимы, невообразимые последствия.

Вот они, наши всадники Апокалипсиса.

Повышение температуры на три градуса (а именно к этому все и идет) может вынудить большую часть человечества бежать из родных домов, способно вызвать разрушительные войны за землю и воду, изменить береговые линии, климатические системы и направления океани-

ческих течений, превратить огромные участки суши в степи и спровоцировать выброс метана в огромных количествах. Повышение температуры способно вызвать коллапс глобальной экономики и современных государств, не говоря уже о пагубном влиянии на живые организмы и целые экосистемы, которые ввиду отсутствия времени на адаптацию обречены на крах, так как цепочки видов исчезнут, оставляя глубокие бреши в сети жизни. Вместе с участвовавшими природными катаклизмами и экстремальными погодными условиями одно это уже стало бы своего рода апокалипсисом. (Конечно, планета вновь обретет равновесие, жизнь приспособится к изменившимся условиям — но для нас будет слишком поздно.)

То, что происходит с разнообразием видов, и скорость этого коллапса вызывают не меньший ужас. Мало того, что ежедневно вымирают сотни уникальных организмов, которые человек даже не успел открыть, — стремительное изменение и ухудшение сред обитания приводит к исчезновению ключевых видов, на которых держатся целые экосистемы. В некоторых регионах Европы из-за пестицидов и монокультур уже исчезло 80% насекомых. В случае деградации почвы или водных ресурсов восстановление либо занимает очень много времени, либо вовсе невозможно. Микропластик не только достиг дна океана, но и уже

обнаруживается в человеческом мозге и грудном молоке. Каждую минуту исчезают площади тропического леса, равные тридцати футбольным полям, и миллион тонн арктического морского льда (да-да, именно так, каждую минуту).

Цифровизация и искусственный интеллект — две разные, но взаимосвязанные силы. И то и другое таит в себе возможности и опасности, которые мы пока даже не можем оценить. В одной лишь биологии сфера применения ИИ варьируется от разработки персонализированных методов лечения на основе генетического профиля пациента до создания новейшего биологического оружия. Искусственный интеллект и цифровизация имеют и другие последствия. Так, например, западные общества в ближайшие десятилетия могут столкнуться с ликвидацией рабочих мест для человека. Многое изменится в нашем сосуществовании и политическом балансе сил. Как людям жить? И какое вообще место мы занимаем в полностью цифровизированном мире? Сможем ли мы под постоянным воздействием стимулов, захватывающих наше внимание с экранов, не допустить собственного превращения в некомпетентных нарциссов, которые деградируют в пузыре из персонализированных новостей и алгоритмических соцсетей? Как будет функционировать демократия? Кто станет принимать решения?

Как мы можем отличить правду от вымысла, а машину от человека, если ИИ все лучше стирает отличия? Когда искусственный интеллект догонит и перегонит человеческий? Уж не создаем ли мы своими руками силу, которая сделает нас ненужными? Возможно, ты знаешь балладу Гете об ученике чародея. Студия Уолта Диснея рассказала ее в виде мультфильма* (тщательная прорисовка вручную и классическое музыкальное сопровождение). Хозяин ушел, а подмастерью нужно выполнить работу по дому, так что он оживляет метлу, ведро и тряпки. Они делают за него всю работу, но отказываются подчиняться отменяющему заклинанию и не перестают носить воду и тереть пол. Начинается потоп, и подмастерье в отчаянии («Вызвал я без знания / духов к нам во двор / и забыл чуранье, / как им дать отпор!»**) вынужден позвать на помощь чародея, который одним заклинанием приводит все в порядок. У меня отчетливое ощущение, что мы все — этот ученик. Но только у нас нет чародея, которого можно позвать на помощь. Ницше сказал бы: «Мы его убили».

Потепление климата, разрушение экосистем, загрязнение океанов, потеря биоразнообразия,

* «Фантазия» (англ. Fantasia) — классический полнометражный музыкальный мультипликационный фильм, созданный компанией Уолта Диснея и впервые показанный 13 ноября 1940 года.

** Пер. с нем. Б. Пастернака.

бум искусственного интеллекта и цифровизации всех сфер жизни — и на этом фоне за нашими границами идут старомодные убийственные войны, в которые мы вовлечены уже давно и которые грозят разрастись. Огромные потоки беженцев, бессильные государства, передающие рынку все больше демократических полномочий. Мы рубим сук, на котором сидим, и при этом поем веселую песенку.

Обычно такое поведение не считается умным, но мы-то умны. Мы даже разрабатываем научные модели, которые точно предсказывают наше будущее при условии, что мы продолжим жить как прежде, и мы продолжаем жить как прежде, а модели невероятно умные и удивительно часто оказываются правы. А даже если и ошибаются, то из-за того, что были слишком упрощенными или консервативными, тогда как развитие событий ускорилось из-за взаимодействия и симбиоза различных факторов.

«Входящие, оставьте упования»*. Кажется, «Ад» Данте стал нашим будущим. Общества, которые я знаю и в которых живу, то есть преимущественно европейские, уже давно привыкли бояться будущего словно вируса.

* Алигьери Д. Божественная комедия. Новая жизнь. — М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2022. В виде крылатого выражения на русском языке популярен вариант «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Будущее в наших широтах больше нельзя считать само собой разумеющимся, как это, возможно, было еще 100 лет назад. Тогда миллионы людей верили, что идеологии раз и навсегда помогут решить все мировые проблемы. Да, будет битва, причем кровавая, но в итоге победят арийцы, господствующая раса, рабочий класс, пролетариат, христианство, ислам, империя, рынок. Люди всерьез полагали, что именно в этот момент будут решены все экзистенциальные проблемы. Если болезни можно победить с помощью прививок, то так же можно преодолеть голод и нищету, а значит, мир наконец-то полностью подчинится человеческому контролю и управлению.

Во времена таких ожиданий было очень легко надеяться. Но мы уже не живем в эпоху наивной веры в будущее. Последние два столетия показали, что глупые надежды и вера в неправильные вещи ведут к катастрофам. Пожалуй, самые жестокие и кровавые периоды истории — результат самых пылких надежд. Миллионы людей, которые надеялись на победу господствующей расы, единственной истинной религии, империи или диктатуры пролетариата и были готовы ради этого пойти по трупам, по ужасному количеству трупов, выставляют надежду в сомнительном свете. Надежда всегда имеет моральную составляющую, поскольку связана

с представлениями о хорошей жизни, а моральные представления имеют свойство меняться. Они могут исчезнуть или превратиться в свою противоположность так же быстро, как то или иное состояние или любой человек в сталинской России.

Надежда, как показывает практика, — это здорово и хорошо, но те, кто надеется и верит в неправильные вещи, становятся соучастниками пыток и массовых убийств, нравится им это или нет. И нельзя потом оправдывать себя тем, что идеология, эта коллективная история, казалась правильной или что ты ничего не знал, что тебе ничего не сказали. Когда речь идет о насилии, о смертельном насилии, нельзя списывать все на свои ощущения.

Несколько лет назад я брал интервью на радио у пожилой переводчицы русской литературы, приятной женщины, которой было уже под 80. Ее отец был австрийским коммунистом, и, когда в 1930-е годы на его родине шли гонения на коммунистов, всю семью пригласили в Москву и поселили в знаменитой гостинице «Люкс», где жили все почетные гости из-за рубежа. И где Сталин мог за ними приглядывать.

Переводчица рассказала о своем детстве в этом странном месте, где колоссальный идеализм и надежда на лучший мир смешивались со страхом перед тайной полицией и внезапными

бесследными исчезновениями друзей и знакомых. Сама она в молодые годы тоже была яркой коммунисткой и видела в Советском Союзе Новый Иерусалим, но однажды лишилась иллюзий и вернулась в Австрию — страну, которую едва знала.

С тех пор она переводила русскую литературу, но в места детства не возвращалась.

Я задал ей вопрос:

— Как вы себе объясняете, что проект, в который вы так глубоко верили вместе с миллионами людей, проект, в который столько человек в разных странах вкладывали мечты и надежды, оставил настолько длинный кровавый след в истории?

Наступило молчание.

Мы были в прямом эфире. Все еще молчание. В такие моменты начинаешь нервничать, если ничего не происходит. На радио подобную тишину в эфире называют Dead Air. Но переводчица сидела и долго обдумывала мой вопрос, а потом ответила очень просто:

— Я всю жизнь размышляла над этим, каждый день. И сегодня могу сказать вам одно: я не знаю.

Она, как и миллионы людей, посвятивших себя идеалам, в конце концов поняла, что усилия были напрасными, что они впустую потратили время и надежды или, еще хуже, стали пособниками убийц и все ради благой цели, которая отдалялась, пока не исчезла совсем. В XX и в начале XXI века

миллионы оказались на руинах мечты и надежд. По сей день люди ежедневно покидают дома под бомбежками и в своем отчаянии часто глубоко и жгуче надеются, даже если некоторые из их надежд — фантазии о мести.

Похоже, надежда любит руины. Но это настолько прописная истина, что к ней уже из принципа нужно относиться с недоверием. На самом деле все наоборот. Когда у людей есть надежда, они способны преодолеть многое и не потерять ее. А в богатых и мирных обществах многие живут без надежды (нам еще предстоит выяснить, почему так происходит).

Извини за суровый урок реализма, но, именно когда ты задаешься вопросом о возможности надеяться, тебе нельзя исходить из ложных предпосылок или блаженных иллюзий. Необходимо ясно осознавать, в каком положении мы находимся и что нас ожидает, в каком мире ты будешь обращаться к своей надежде.

Так неужели надежда невозможна? Скажем так: если ты в поиске мудрой формы надежды, возможности надежды, то важно понять свою позицию и признать, что надежда связана с рисками и эти риски делают тебя уязвимым.

Один из таких рисков заключается в том, что невозможно заранее узнать, окажутся ли усилия

оправданны и не будут ли твои надежды растоптаны или перевернуты до неузнаваемости. Политические надежды требуют долгого исторического дыхания, ведь лишь немногие люди, которые в прошлом пытались что-то изменить, действительно достигли своего.

И все же мы живы, а я могу написать тебе это письмо — лишь потому, что бесчисленное множество людей до нас надеялись, верили и боролись за то, что казалось абсолютно неслыханным и нереалистичным. До нас не дошли имена большинства этих героев и героинь, и лишь немногие из них добились того, за что боролись. Многие умерли в полной уверенности, что ничего не добились, что их надежды не оправдались. Но они были звеном цепи безнадежных надежд, и благодаря этому сегодня существуют страны, в которых люди могут свободно высказывать мнение и вместе определять свое будущее (по крайней мере, в теории).

Ребекка Солнит пишет, что надежда зачастую амбивалентна и ее трудно распознать, поскольку она плетет собственную, так сказать, подземную сеть незаметных на первый взгляд историй и связей. «Арабская весна» 2011 года, когда сотни тысяч людей осмелились мечтать о лучшем мире без замшелых диктаторов и массово вышли на улицы, была вдохновлена американским борцом за права Мартином Лютером Кингом двумя поколениями

ранее. И цепочка вдохновения из книг, встреч и совместных надежд тянется еще дальше в прошлое, от Кинга к Махатме Ганди, ко Льву Толстому и радикальным протестам британских суфражисток, которые в начале XX века боролись за избирательные права для женщин и, в свою очередь, обращались к примеру Французской революции. Это похоже на корневую систему, прорастающую сквозь века, подземную грибницу, причем видим мы лишь ее плоды — грибы, внезапно появляющиеся из земли.

Однако «арабская весна» не привела к долгосрочным позитивным изменениям в регионе, скорее наоборот. Во время мятежа погибло 60 000 человек, также к его последствиям относят переворот в Ливии и страшную гражданскую войну в Сирии. В наши дни большинство арабских стран Средиземноморского региона находятся в отчаянном положении, а политика государств как никогда авторитарна. Получается, лучше не надеяться? Или нам нужно более долгое историческое дыхание, чтобы понять, какое влияние этот акт коллективной надежды и коллективного расширения возможностей оказал на конкретное поколение — вдохновил ли он надеяться дальше, надеяться смелее или же исчез в забвении, которое диктатура накладывает на жизнь?

Политическая реализация больших надежд всегда трудна и скучна, она приносит разочаро-

вание, а результаты никогда не признаются всеми сторонами. Реалисты будут настаивать на том, что хоть какое-то решение лучше его отсутствия, идеалисты — жаловаться, что их мечты предали. Миротворческие процессы в Колумбии и Руанде сегодня подвергаются критике, но благодаря им меньше людей становятся жертвами политического преследования и многие семьи начинают строить свое будущее. И пусть эти процессы постоянно заходят в тупик и редко обретают долгосрочное решение, это, по крайней мере, хотя бы ненадолго позволяет детям расти в мирное время и демонстрирует, что можно договориться даже при самых глубоких разногласиях. Это тоже имеет значение.

Все сбывшиеся надежды меняются и искажаются под воздействием косности реальности. И очень легко забыть о том, как много было достигнуто. То, что еще вчера казалось невозможным, уже на следующий день после воплощения в жизнь часто воспринимается нами как устаревшее и само собой разумеющееся, как плохая копия наших идеалов. Европейский союз, например, не только крайне непопулярен, но и очень-очень далек от идеала и даже от истинной демократии. Тем не менее еще 100 лет назад абсолютно нелепой казалась идея, что враждующие государства, уничтожившие в войнах миллионы людей, образуют союз, который будет

стоять на страже самого долгого периода мира на континенте. Это, конечно, связано не только с надеждой, но и с опытом мировых войн. Порой травма, обоснованный страх и сильное совместное переживание открывают ранее немыслимые политические возможности.

Вот что я хотел сказать тебе во время нашего последнего разговора, когда не смог дать удовлетворительного ответа на твой вопрос: катастрофические обстоятельства довели нас до грани отчаяния и спустя более сотни лет несбывшихся надежд и провалившихся идеологий стало в принципе труднее на что-либо надеяться. И все равно: неплохо напоминать себе, что надежда способна проникать в реальность и менять ее.

Однако для многих моих собеседников эта способность недостижима. Будущее превратилось в угрозу. Несмотря на все достижения последних десятилетий, несмотря на рост и богатство, науку и развлечения, несмотря на спортивные площадки и частные дома, асфальтированные дороги, супермаркеты и рестораны, несмотря на плоские экраны и чартерные рейсы, несмотря на два поколения мирной жизни, многие люди хотят избежать будущего, потому что для них оно не принесет ничего хорошего.

Гораздо сложнее надеяться, когда живешь в обществе, которое стремится не допустить за-

встрашного дня, которое не хочет иметь ничего общего с изменениями, которое сделает все, чтобы не потерять накопленное, и которое надеется главным образом на то, что все останется как прежде, поскольку бытует мнение: все не может стать еще лучше, еще богаче, еще безопаснее, еще свободнее и еще круче.

Но все меняется, стремительно и разрушительно, так же странно, как декабрьский день прошлой зимой, когда температура была +25 градусов, а солнце по-летнему низко висело над горизонтом. Мир вышел из равновесия. Нам страшно. Поэтому мы ищем предводителей и партии, которые пообещают, что ничего не изменится и людям не надо меняться, так как мы нормальные, приличные и всегда были правы. И все, что сейчас нужно сделать, — возвести вокруг страны хорошую высокую стену и депортировать всех, кто на нас непохож. И вот тогда вновь воцарится порядок, и вот тогда мы вспомним, какими должны быть мужчины и женщины, кто патриот, а кто чужак и как отличить одно от другого. *Drill, baby, drill**.

* «Бури, детка, бури» (англ.) — слоган, предложенный вице-губернатором штата Мэриленд Майклом Силом в 2008 году на Национальном съезде Республиканской партии по выдвижению кандидата в президенты США. Фраза выражала поддержку бурения для добычи нефти как источника дополнительной энергии. Позднее слоган был использован другими политиками, в том числе Дональдом Трампом.

Становится все труднее надеяться в обществах, где одна половина хочет вернуться в прошлое, которого никогда не было, а другая с фанатичной уверенностью утверждает, что проект западных обществ изначально был аморальным и злым, основанным лишь на угнетении, ненависти, рабстве, разрушении и вообще есть не что иное, как заговор с целью геноцида.

Ограниченность мышления правых товарищей отталкивает так же, как самоуверенность новоявленных защитников всех добродетелей. Лишь немногие из них имеют широкое видение будущего, а если они и задаются этим вопросом, то, как на конвейере, штампуют антиутопические картины. Это вполне объяснимо с учетом проблем, с которыми мы сталкиваемся, но также означает, что мы учимся видеть будущее исключительно как ужасное, опасное место.

Кстати, эти строки я пишу тебе из поезда. Над пейзажем, лениво проплывающим в окне, нависли тяжелые темные тучи. Сто пятьдесят лет назад, когда поезда были еще диковинкой и манили искателей приключений, на ярмарках существовали аттракционы, где человек сидел в купе неподвижного вагона, а за окном плыла панорама пейзажа, нарисованная на огромных ватманах и приводимая в движение заводной рукояткой.

Почему мы еще надеемся?

Для многих посетителей ярмарок это было единственным путешествием в жизни. И в этой поездке на нарисованных панорамах всегда светило солнце, потому что люди ехали к свету, в лучшее будущее.

Мусорщик в рассветных сумерках

Он приходит каждое утро, очень рано, когда встает солнце. Я вижу его издалека, сначала как темную точку в луче фонаря, затем под следующим фонарем, пока он наконец не подъезжает к контейнерам. Он ставит тележку в устойчивое положение и начинает спокойно и методично перебирать мусор, оставленный мной и другими постояльцами отеля. Отбирает все, что можно переработать, упаковывает в пластиковые пакеты и грузит на тележку. Дело занимает около двадцати минут, к тому времени уже светает. Мужчина худой и мускулистый, одет в джинсы, бейсболку и футболку с надписями, которые я не могу разобрать на расстоянии. Возможно, ему лет сорок, а может, и меньше — такая жизнь быстро старит. Он укладывает груз и отправляется в обратный путь. Завтра он вернется.

Привет из Боготы. Из моего гостиничного номера на восьмом этаже открывается вид на город. Под окном небольшой парк, где подростки играют

в футбол, а рядом пункт сбора мусора. Здесь у меня много времени на размышления, потому что гулять по городу в одиночку слишком опасно. От своей стеклянной крепости я могу вызвать такси и поехать на встречу с людьми, которые живут за заборами с колючей проволокой под напряжением, на входе — вооруженный охранник в форме. Здесь все совсем не так, как в Европе. Но один раз я все же отправился на прогулку, как сделал бы дома. Недалеко от отеля свернул на маленькую сонную улочку с домами за высокими заборами и с решетками на окнах, и через некоторое время появился парень на мотоцикле, решивший несколько раз объехать меня по кругу. Я пошел быстрее, и он исчез. С тех пор я почти не выхожу из отеля один. Я не похож на здешних людей и не знаю, как себя вести. Я легкая мишень.

Я приехал сюда работать над выставкой. Она называется *Violencia y memoria (life is sacred)* — «Насилие и память (жизнь священна)». Этой выставкой мне хочется показать историю, которая состоит из насилия и воспоминаний. Около полувека в Колумбии бушевала жестокая гражданская война. Большая часть страны была отрезана от мира и находилась под властью герильи, наркоторговцев и ополченцев, которые с неопикуемой жесткостью карали за любое сопротивление, несогласие и даже косой взгляд. Их противники подвергались пыткам, приводившим к смерти, или

просто исчезали. Когда занятые партизанами села после боя переходили под контроль ополченцев, те убивали каждого, кто всего лишь предложил партизанам стакан воды. Вернувшись, партизаны наказывали всех, кто продавал еду солдатам.

Убийство за убийством. Огнестрельное оружие, мачете, бензопилы. Волны пыток, изнасилований и смертей. Фермеры, которые были вынуждены выращивать коку, а потом смотреть, как солдаты уничтожают их поля и урожай. Теракты и убийства политиков и журналистов в больших городах. Тысячи молодых мужчин, которых расстреливали коррумпированные солдаты, чтобы переодеть трупы в партизанскую форму и получить от государства премию за отстрел, — вакханалия неизбывного насилия, в котором человеческая жизнь ничего не стоила, омрачила существование двух поколений.

И все-таки это место не безнадежно. Ни для фермеров, потерявших все, ни для коренных жителей, чей уклад был разрушен, ни для сборщиков мусора из Боготы — 40 000 человек (преимущественно мужчин), которые каждое утро на рассвете отправляются на поиски чего-то стоящего среди выброшенных остатков былой роскоши. Я заметил это, когда приезжал в Боготу 10 лет назад. Теперь, когда война с партизанами официально завершена, страна встала на путь перемен, хотя насилие будет продолжаться еще

долго. Многие из бывших борцов за свободу стали профессиональными наркопроизводителями, которые больше не выдвигают политических требований и с которыми невозможно договориться. Они продолжают свою деятельность.

Страна встречает грядущее с огромным грузом за плечами, и все-таки люди ждут будущего. Они с невероятным упорством движутся вперед, постоянно изобретают себя заново и не согласны сдаваться. Меня восхищают художники, которые на фоне ужаса борются за то, чтобы облечь события в стране и собственные переживания в определенную форму, будь то обвинение, свидетельство или видение будущего. Одна из таких людей — Ноэми Перез. Ее студия расположена в небольшой квартире на двенадцатом этаже небоскреба. Картины такие большие, что она хранит их в скрученном виде.

Ноэми долго разворачивает на полу одну из гигантских панорам, над которой работает, и мне едва хватает места, чтобы встать перед картиной. Я смотрю на джунгли, нарисованные древесным углем. Огромные стволы деревьев, разлапистые корни, ветвистые кроны с листьями и лианами, а между ними темные тучи. Уголь хорошо подходит для маленьких картин, потому что в этой технике можно создать атмосферные и драматичные сцены. Но этот лес размером два на шесть метров и черный уголь производят невероятные

контрасты и сгущаются в туман, который плывет между деревьями, как дым из невидимой выхлопной трубы или дымохода.

Между монументальными деревьями художница яркой пряжей вышила ящериц, птиц, мелких млекопитающих и цветы, крошечные пестрые пятна на черно-белом пейзаже. Когда мои глаза потихоньку привыкают к буйной растительности на полотне, я замечаю еще кое-что: маленькие хрупкие фигуры, прорисованные тонкой линией, практически очертания. Это люди идут сквозь джунгли, спасаясь от насилия, разрушившего деревни, в поиске лучшей жизни там, где больше не придется жить в страхе.

«Если хочешь понять нашу гражданскую войну, то нужно посмотреть “Фрагментос”», — говорят мне сразу несколько друзей. Так что я беру такси и еду в исторический центр, прямо к президентскому дворцу и памятнику гражданской войны. Этот мемориальный центр был создан по проекту художницы Дорис Сальседо. Сначала я захожу во двор, где стоят руины дома, построенного в XVII веке. Неприметный пандус ведет в большое помещение в форме куба. Стены белые, и, кроме фильма о создании мемориала, смотреть тут не на что. Я вежливо спрашиваю у экскурсовода, как мне понять этот монумент.

— Посмотрите, на чем стоите, — говорит она просто.